DOI: 10.17117/na.2015.12.03.334

<http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.334.pdf>

Поступила (Received): 22.12.2015

Гаджиева Д.А. Восток и Запад в творчестве Андрея Белого

Gajiyeva D.A.
East and West in the works of Andrei Bely

В докладе «Александрийский период...» Андрея Белого прослеживается главная идея, заключающаяся в соединении Востока с Западом, их слиянии. Статья посвящена исследованию проблемы «Востоко-Запада» в творчестве Андрея Белого, ярчайшего представителя серебряного века, отражающей один из аспектов евразийской теории

Ключевые слова: проблема, «Восток-Запад», Восток, серебряный век, путешествия

The report "Aleksandriysky period ..." Andrei Bely traced the main idea is to link East and West, their merger. The article investigates the problem of "East-West" in the works of Andrei Bely, the brightest representatives of the Silver Age, reflecting one aspect of the Eurasian theory

Key words: problem, of "East-West", East, silver age, journey

Гаджиева Диана Агасиевна

Соискатель

Дагестанский государственный педагогический университет

г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57

Gajiyeva Diana Agasievna

Applicant

Dagestan state pedagogical university

Makhachkala, Magomeda Yaragskogo st., 57

«Проблема «Восток – Запад» для культурно-философской мысли России всегда была одной из определяющих. На разных этапах исторического развития эта проблема высвечивалась в той или иной степени то «в пользу» Запада, то «в пользу» Востока. Особенно остро эта проблема обозначилась на рубеже XIX–XX вв., когда в России настало время переоценки ценностей и новых открытий, коренных изменений в социально-культурной жизни страны и в общественном сознании» [1].

Жажда духовного познания Востока, охватившая Россию в конце XIX - начале XX в., особым образом проявилась в русской литературе.

Одним из интеллектуалов Серебряного века, оставивших значительное литературное наследие, связанное с путешествиями по Востоку, является Андрей Белый.

Путешествие Андрея Белого началось с Италии, где он уже наблюдает «много Востока», «восточный стиль» [9]. Любуясь архитектурой и интерьерами отдельных итальянских церквей, Андрей Белый вспоминает о Византии, которая для Запада всегда была Востоком. Для русского поэта в ней есть и что-то родное, и нечто специфичное, отчего в непривычном «западном» контексте ка-

жется еще привлекательнее [2]. Возможно, именно византийское в Италии наводит поэта на размышления о мусульманской архитектуре: «...градостроительство напечатлело себя в мусульманской культуре стройнее, чем в нашей; раздвоенность между землею и небом, присущая нам, христианам, отсутствует там; мусульманство во всем – монолитно и цельно (отсюда же косность его); оттого-то впоследствии византийские «храмы» и стали...мечетями» [3, 27].

В описании жителей Палермо возникает образ «араба», который затем будет постоянно упоминаться в путевых заметках Андрея Белого [3, 63-65]. Сицилиец у него – это «низко упавший «араб», для которого некогда «настоящий араб» сочинял свой логику» [3, 85]. С «арабами» ассоциируется Африка – «благородная часть души сицилийца. От мавров переняли они суровость и полное отсутствие слащавости. ...Длинноносый жулик, однако, все еще борется с благородным арабом» [9, 149].

В Африке Андрей Белый посещает Тунис и Египет. О Тунисе он отзывается с восхищением. Поэт упоминает яркую экзотику еврейских тканей, проводит мысль о благородстве туарегов [2, 199], а о маврах пишет: «... аристократы – все мавры; порода кричит из него; ... но – явились французы; и мавр опустил» [2, 231]. В Тунисе «Африка манит, Европа неинтересна» [9, 144], «уголки Туниса более стоят всей Италии в совокупности» [9, 156]. Поэт пишет: «Забываю, откуда пришел я; я – русский; и я – европеец. Европа? Ее – забываю, ее – не хочу. ...здесь точно родился; и точно умру; я – безродный» [2, 244]. Андрей Белый пишет из Туниса А.М.Кожебаткину: «...чем больше здесь живу, тем более люблю все здешнее: не французов, а арабов и берберов. ...Спим и видим попасть в Египет. ...И Россия поет как-то здесь» [9, 147]. В чувстве родства России и Африки в очередной раз проявляется характерная для Белого связь России с Востоком. И любовь к Африке приводит к разделению Востока в сознании поэта на две антагонистические части: Африка противостоит Азии, дикой и хищной составляющей Востока, связанной с панмонголизмом Владимира Соловьева.

И снова возникает образ араба: «...следы многовековой культуры налицо; простой араб носит интеллигентно-задумчивое лицо, и даже в арабских безделушках ...красота; ...все изящно. ...я уважаю арабов, а Ася [путешествовавшая вместе с Андреем Белым художница Анна Алексеевна Тургенева] – в них влюблена» [9, 152-153], «тунисские арабы произвели на нас дивное впечатление: добрый, гордый, прекрасный народ» [9, 158].

Идеализированный образ Востока, восхищение его внешними приметами (арабской одеждой, формой зданий и т.п.) проходит красной нитью через все путешествие поэта. Увлеченный романтикой Востока, Андрей Белый «воображает себя то плантатором – тогда у него широкополая шляпа, трубка и револьвер, то арабом – тогда он надевает феску» и красные туфли» [9, 145]. Однако далее путешественника притягивает Египет. Египет Белого – это и остатки древней цивилизации, соединяющиеся с беспредельностью пустыни, и современная поэту реальность. В своем письме Э.К. Метнеру Андрей Белый вспоминает Владимира Соловьева: «...тайна веков заглядывает в глаза, голос все тот же внушает: «Будь в Египте» [3]. Египет в сознании поэта был частью благородной, связанной с древним и вечным, несущий мистические переживания Африки.

Для Андрея Белого как путешественника Египет начинается с Порт-Саида, который производит на поэта не очень приятное впечатление: «Экипаж быстро проносит меня по скучнейшим улицам Порт-Саида, городка, печально торчащего над морем среди песков, городка, украшенного статуей Лессепса и переполненного гомоном всех наречий, куда Европа, Азия, Африка высылают своих проходимцев». ...Скучные, грязные плоскокрышие дома во все четыре стороны горизонта разбежались скучными, грязными верандами; ...площадь, пыль, чахлые колючки вместо растений, – и уже вой, лай, мяуканье бронзовых дьяволов».

На страницах писем Андрея Белого вновь возникает образ феллаха: «Под впечатлением Египта: странная страна; здесь одно замечательное явление: груда пепла; груда пепла – старый Египет; груда пепла – феллахи (пепла крепких египетских костей); феллахи, лицом и фигурой схожие с древними египтянами, – самый декадентский народ на свете; рослые, крепкие, красивые, живописные, грязные, развращенные, лживые, понимающие лишь побои да ругань» [9,172], «феллахи...огромного роста, с громадными египетскими (как на древних барельефах) плечами и красивее тунисцев; но они некультурны, грязны, жадны до денег» [9, 159]. В поезде раздражает своей болтливостью «молодой сириец араб», который вытирает свои пальцы одеколоном и всеми своими действиями старается «доказать, что ничто европейское ему не чуждо», «заводит речь о Толстом» [4]. Он весь – в сбивчивой фразе «Да, да, да: вы и я – мы христиане, братья; не смотрите на арабов, не все погрязли в мусульманском невежестве: многие здесь – христиане – арабы; ничто цивилизованное им не чуждо» [4, 8]. Поведение сирийца выглядит нелепо и лишь превращает его в комическую фигуру. Этот карикатурный образ еще более снижает общий образ Египта в путевых заметках Андрея Белого. Через фигуру сирийца в текст путевых заметок проникает первый образ Каира

Образ Каира, который рисует сириец, лишь подчеркивает чуждость внутреннего мира и ценностей сирийца поэту Серебряного века с его духовными исканиями. И пирамиды, на которые указывает сириец, видны лишь как «два небольших треугольника», в них нет ни мистики, ни величия; а когда, достигнув Каира, «поезд стал среди волн пыли и пляшущих балахонов», Андрей Белый думает о «милей Тунисии» [4, 11]. Позже он напишет о Каире: «...самые жесты, с которыми полицейские подымают белую палочку, напоминали жесты египетских человечков на фресках; так старый Египет врывается в каирский проспект из разрытой в песках усыпальницы; ...и над бытом двадцатого века из тусклого неба являлось царство теней» [7].

С мистическими переживаниями смешивается египетская действительность. «Закат беззорный зеленоватый и мертвый, съеденный пылью; но светозарился Нил. Гигантские пальмы тонули в синей мгле пустынного востока» [7, 166], но к этому примешиваются удушающий хамсин, блохи, пыль.

В восприятии Белым Египта соединились мистические ожидания встречи с пирамидами и Сфинксом, ощущение «схваченности роком» и чувство «гробничной духоты», реальные неурядицы, которые нельзя было не заметить, и огромный культурный пласт, связанный со знанием истории и культуры Древ-

него Египта, с литературой, посвященной Египту, и с философскими и теософскими исканиями Серебряного века. Египет в восприятии Белого как бы разделен на две части.

В письмах Белого возникает сравнение Каира с Тунисом: «Тунис очарователен, весел, грациозен; Каир значительней, внушительней, поразительней; Тунису уютен, Каир – угрожающ, что-то есть в Каире подавляющее: тысячелетья прошлого невольно встают. ...здесь все хищно смотрит на иностранца» [5], «Тунис собран, Каир разбросан; Тунис белоснежный, Каир – черносерый; тунисский араб белоснежный; феллах черносиний;...тунисцы чистые, феллахи – грязные; тунисский мечети грациозно маленькие; каирские – «великолепны». «Тунис к Каиру (в смысле арабов) относится так, как прерафаэлитизм к рококо; ...Тунисия мила, уютна, дешева; Египет величествен, страшен, чудовищно дорог; но, несмотря ни на что, это самая прекрасная по пейзажу страна...» [3, 165].

Проявляются и антианглийские настроения Белого: он непримирим к английскому присутствию в Африке и явно идеализирует французов: «...французы...в 1000 раз культурнее итальянцев; и однако, под их влиянием дикий туарег, оставаясь диким, в некотором смысле приятнее и приобщеннее цивилизации, чем коренной сицилиец. ...Французы очень мягки с туземцами, ввели общую грамотность, корректны» [3, 165], «в Тунисе сочетается демократизм француза с аристократизмом араба; в Каире сочетается низменность феллаха с тупым чванством миллионщиков англичан» [3,165].

После Египта – приезд в Иерусалим: «...радостен Иерусалим. ...население блещет библейским костюмами...» [9, 172] и наконец – «...какая красота в том, что моления всех христиан во многом сливаются, перекликаются с молениями мусульман и из места сначала иудейского (Соломонов Храм), а потом и магометанской святости (Мечеть Омара) идет соединяющий подземный ход к ...Гробу Господню!» [9, 174]. Эти реплики в письмах свидетельствуют о свойственной Белому мифологизации окружающей действительности. В Иерусалиме для Белого важно единство всех народов, однако в письмах из Иерусалима ярко проявляются антиевропейские (главным образом, антианглийские) ноты: «...прекрасное столпотворение языков и – никакой профанации, кроме, редкого впрочем, наглого взора... туриста-англичанина» [9, 174]. «Европейцы к святыням Иерусалима относятся...как к объектам синематографа; здесь любой русский мужичок выглядит культурнее желто-штанного паршивца англичанина» [9, 171]. Так англичане в письмах Белого выпадают из общего единения, диссонируют с ним, оказываются чужды атмосфере Иерусалима.

Говоря о Востоке, Белый часто размышлял о «восточности» своей собственной страны. Он утверждал в письмах: «...русские – не Европа; надо свое неевропейство высоко держать, как знамя... Быть европейцем может теперь только наивный мечтатель, в противном случае – это хамство... Как хорош Иерусалим, как хороша Африка и... как Европа гнусна в Африке...жиды ростовщики, лгуны, воры, бездарные святотатцы, чванные дураки, увенчанные колпачною каской (прости Господи, сам завел себе каску), всюду суются среди прекрасных традиций прекрасных, ими не понятых стран... И в Европе ныне нет иной куль-

туры, кроме «пупской», а мы в Москве отделяем культуру Европы от ее цивилизации. Вместо того, чтобы сказать, что такая культура – русская, ...для чего-то мы хаем Россию. Так мы рубим сук, на котором сидим, становимся ненародными, но и остаемся глубоко чужды Европе, которой хамски присягаем в верности» [6]. Для него «олицетворение Африки – арабы, олицетворение Азии – монголы, а между теми и другими – Россия, родственная Африке и предчувствующая монгольскую угрозу, Россия, принявшая часть Востока вместе с православием от Византии» [1]. То, что поэт встречает в Египте во время своего путешествия, он воспринимает через уже готовые культурные стереотипы и придает всему некий мистический оттенок, связанный с философско-эзотерическими воззрениями, которые господствовали в его кругу. Причисляя свою страну к Востоку, категорически отказываясь именовать себя европейцем и порой называя Восток своей родиной, Андрей Белый тем не менее воспринимает Египет через призму европейской культуры, а романтически идеализированное восприятие Белым арабов и его восхищение восточной экзотикой связаны с внешними проявлениями Востока, и поэт не углубляется в восточные реалии, не стремится понять их. Он налагает на восточную реальность шаблоны собственного восприятия, совершенно не стремясь к принятию и осмыслению феномена Востока изнутри. В период перелома в своем мироощущении, поисков новых позитивных «путей жизни» Андрей Белый создает романы «Серебряный голубь» и «Петербург», которые пишутся им один за другим и по первоначальному его замыслу должны были составить две первые части его трилогии «Восток или Запад».

Попытки обретения «новой почвы», синтеза Запада и Востока особенно ощутимы в романе «Серебряный голубь», где автор соединил приемы символизма с принципами реализма. Роман «Серебряный голубь» был написан в необычной для автора форме симфонии. Каждый персонаж романа, воссоздаваемые в нем социальные позиции, художественные детали помимо своего реального значения заключают в себе особый смысл, образуя сложнейшую систему символов, раскрывающую отношение автора к «Востоку и Западу».

«Начавшаяся с петровских времен духовная борьба «западников» и «славянофилов» за выбор пути для России к исходу XIX века приобрела новые оттенки. Роль России в новую историческую эпоху осмыслялась в контексте мирового противостояния Востока и Запада, где ей уготована своеобразная роль посредника со всеми вытекающими отсюда противоречиями. В полной мере эту важнейшую составляющую умонастроений русской интеллигенции отразил Вл.Соловьев, проделавший эволюцию от завораживающей идеи синтеза, соединения антагонистических начал до осознания их непримиримого противостояния и провозглашения «желтой опасности» и угрозы панмонголизма. Замыслив эпопею «Восток и Запад», А.Белый намеревался убедить читателя в том, что судьба России – и не с Востоком, и не с Западом; истинный путь ее состоит в преодолении обеих тенденций. Ибо, как писал Белый еще во «2-й, драматической симфонии», «Запад смердит разложением, а Восток не смердит только потому, что уже давно разложился!» [8].

Список используемых источников:

1. Автореферат диссертации Е.А.Чач по истории, диссертация на тему: «Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века». URL: <http://cheloveknauka.com>
2. Белый А. Путевые заметки. Т.1: Сицилия и Тунис. М.: Берлин: Геликон, тип. Е.Неккендорфф, 1922.
3. Белый А. Из письма Э.К. Метнеру. Максуд Радес. 30 января. 12 февраля. (нового стиля) 1911 г. // Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого...
4. Белый Андрей. (Бугаев Борис Николаевич) «Египет. От Порт-Саида до Каира». Автограф // ОР РНБ. Ф.60 (Белый Андрей). Оп.1. Д.20.
5. Белый А. Письмо А.Бугаевой. Египет. 2 (15-го) марта 1911 г. // Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого.
6. Белый А. Письмо А.М.Кожебаткину. Иерусалим. 30 марта 1911 г. // Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого.
7. Белый А. Между двух революций. М.: Худож.лит., 1990.
8. Институт научной информации. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литературы. Реферативный журнал. М. 1998.
9. Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого // Восток -Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988.

© 2015, Гаджиева Д.А.

Восток и Запад в творчестве Андрея Белого

© 2015, Gajiyeva D.A.

East and West in the works of Andrei Bely